

Олейников А.А. Либерализм как подрывная антигосударственная доктрина, уничтожающая общество России // Постреформизм и развитие: монография / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М., Ирпень:Изд-во Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. – С. 267-274 //Сайт: Научная школа. «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд» // [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: www.euroasianmainstream.ru.

Деструктивный характер принципов либерализма, сформировавших государственную идеологию в постсоветской России, наглядно подтверждается фактом обрушения ВВП за годы реформ более чем в два раза — по отношению к 1990 году. При этом надо иметь в виду, что в нынешнем ВВП очень велика спекулятивная составляющая, которая отсутствовала в СССР, когда этот показатель выражал то, что теперь называют «реальным сектором экономики».

Об этом же говорят и вопиющие итоги приватизации, в ходе которой были *уничтожены* сотни отраслей, а крупные машиностроительные предприятия были просто *расчленены* так, что число предприятий в этой отрасли за годы реформ выросло в 10 раз, а количество занятых сократилось в 2,4 раза [1, с. 166]. Из **500** крупнейших предприятий России около **80%** было продано на аукционах по цене менее **8 млн. долларов** каждое. В итоге, **500** предприятий, стоимостью более **200 млрд. долл.** были проданы всего за **7 млрд. долл.** Однако с учетом того, что фактическая рыночная стоимость российских предприятий была занижена, по данным крупнейшей международной аудиторской компании «Прайсвотерхаус Куперс», как минимум, в среднем в 10 раз [2, с. 4], реальные итоги приватизации выглядят еще более удручающими: 500 предприятий, имеющих реальную рыночную стоимость приблизительно в **2 трлн. долл.** (200 млрд. x 10) были **проданы** всего за **7,2 млрд. долларов**, что, как минимум, в сто пятьдесят (150) раз дешевле [3, с. 107]. Грабеж России налицо.

В результате приватизации катастрофически упали объемы производства, тысячи квалифицированных кадров выброшены на улицу, возникли кризис неплатежей и невыплаты зарплаты, астрономически увеличились издержки производства. В ходе реформы произошла системная деградация большинства ключевых производственных отраслей.

В итоге либеральные реформы подвели Россию вплотную к самому краю пропасти, но российские либералы продолжают твердить, что, дескать, виноват не сам либерализм, а те, кто мешал проведению либеральных реформ. При этом забывается, что либерализм исторически сформировался как деструктивная доктрина — как совокупность *жизненных принципов «героев моря»* — морских разбойников, работорговцев, контрабандистов и свободных торговцев, всегда стремящихся к экспансии и к господству.

О РАЗБОЙНИЧЬИХ ИСТОКАХ ПРИНЦИПОВ ЛИБЕРАЛИЗМА

«Частная экономия» Смита подвела некое подобие теоретической базы под сугубо рациональные и *разбойничьи принципы морского способа жизнедеятельности*, основанного на морском разбое, колониальном грабеже, на работоторговле и контрабанде. Либерализм XVII-XVIII веков — это **боевой лозунг, это боевой клич английских морских разбойников, ставших в Англии первыми капиталистами.**

Тезис о разбойничьем характере либеральных принципов свободной торговли кому-то может показаться даже абсурдным. Но давайте тогда вспомним, чем и как торговали пресловутые «герои моря», ставшие затем не только философствующими политиками, но и владельцами крупных капиталов. Основу торговли и богатства Англии на протяжении нескольких столетий подряд составляли — работоторговля и контрабанда. Они приносили фантастические прибыли, превышавшие десять и более тысяч процентов нормы прибыли. Подсчитано, что только за период царствования королевы Елизаветы (1558—1603) английские пираты принесли своей стране доход в **12 миллионов фунтов стерлингов** — огромная сумма по тем временам [4, с. 104-105, 143-147].

Когда же морские разбойники, получив за свои пиратские заслуги от королевской власти дворянские звания, стали уважаемыми политиками, они привнесли в политику и в бизнес свои повседневные разбойничьи принципы морской жизнедеятельности. Таковы, например, бывшие пираты сэр Уолтер Рэлли, сэр Генри Морган и другие «герои моря».

Либеральная доктрина изначально сформировалась как **военно-политическая** доктрина, как совокупность принципов, организующих жизнедеятельность буржуазного «Я», настроенного крайне враждебно и агрессивно по отношению по всему, что выходило за рамки его сугубо частных интересов и его частной собственности. **Разбойничий способ морского бытия создал уникальный в истории тип человека, в социальном характере которого собственно человеческого почти ничего уже не оставалось.**

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

Итак, на протяжении многих столетий принципы либеральной доктрины были жизненными повседневными принципами морских разбойников, работоторговцев, контрабандистов-торговцев и прочих многочисленных искателей приключений, заложивших «моральные основы» *аморального* «экономического человека» Адама Смита. **Разбойничий способ морского бытия создал уникальный в истории тип человека, в социальном характере которого собственно человеческого почти ничего уже не оставалось.**

По сути, Англия *впервые применила тактику тайной, необъявленной войны*, основным оружием которого стал — *международный терроризм*. Но не будем забывать, что идеологической основой этой войны стал либерализм. В руках того, кто использует либеральную доктрину в качестве идеологической системы работающих принципов, она превращается в *антигосу-*

дарственную подрывную доктрину, принципы которой направлены на экспансию, на захват собственности, чужих ресурсов и территорий, на разрушение государственных устоев.

Либеральная доктрина изначально сформировалась как **военно-политическая** доктрина, **направленная на экспансию, на захват и поражение**. Характерно, что в Америке – стране, основанной англосаксонскими колонистами, **до сих пор не отменен закон о законности пиратства**. Структура США как государства воспроизводит структуру хазарского каганата, унаследовав атрибуты конкистадорского и пиратского государства [5, с. 351].

В основе современной глобализации лежат принципы либерализма и неолиберализма, сформировавшие идеологическую основу третьей и четвертой мировых войн, потрясших мир на рубеже XX — XXI веков.

Деструкция механизма общественного воспроизводства: рыночная модель антиэкономики

Рассмотрим, как на практике действует либеральная антисистема в России, превратившись в *механизм финансовой войны*. Мы укажем кратко лишь на те факты и обстоятельства, которые подрывают безопасность национального хозяйства России, представляя угрозу для её целостности, самостоятельности и суверенитета.

Во-первых, произошло уничтожение национального государства как такого: государство трансформировалось в технический аппарат, выполняющий функции управленческого подразделения глобальной власти мировой финансовой элиты; в итоге в стране осталось две основные социальные структуры: народ и криминально-бюрократическая мафия.

Единство страны — это единство народа, территории и государства, образующих в совокупности наше русское общество. Целое — это национальное хозяйство, призванное обслуживать жизнедеятельность общества, обеспечивая его воспроизводство. В условиях либеральной модели открытой экономики национальное хозяйство лишается главного — *общности интересов*. Либеральная модель рыночной экономики *отвергает принцип иерархии* национального хозяйства, провозглашая приоритет частных интересов над интересами государства.

Таким образом, либеральные принципы нарушают не просто целостность, а — **интегративность** экономической системы. Интегративность экономики можно представить как взаимосвязанное множество хозяйственных отношений в пределах большой системы, организованной по принципу иерархии. Основное свойство системы — её целостность. Если из системы выпадают отдельные элементы, то она *не уменьшается, а разрушается*. Именно так эту проблему рассматривали сторонники русской концепции органицистов, разработанной русскими историками и философами в 19 веке

(К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, А.А. Богданов и др.). Согласно этой теории, общество развивается на основе принципов живых организмов: *из организма нельзя изъять произвольно ни одну его часть, не разрушив тем самым целостности организма, что неизбежно причиняет ему вред* [6, с. 132-140].

Во-вторых, открытая экономика привела к массовому наводнению России в 90-х годах американскими долларами, что привело к долларизации её экономики, подрывавшей суверенитет страны.

Опасность долларизации в том, что она превращается в — *форму присвоения национального экономического пространства* любой страны. Достаточно напомнить, что *фьючерсный курс рубля формируется на чикагской бирже*, а Центральный банк РФ затем, как правило, следует этому курсу, **всего лишь дублируя его**. Долларизация превращает долларовую экспансию в ключевой инвестиционный ресурс, который, являясь преимущественно спекулятивным капиталом, не предполагает адекватной передачи реальных ресурсов.

В-третьих, модель открытой экономики деформировала реальный сектор, сформировав гипертрофированный денежно-торговый спекулятивный сектор. Приток иностранного денежного капитала в лучшем случае вызвал усиленный приток в страну предметов потребления. Из платёжного средства рубль превратился в инструмент для валютных спекуляций: доллар стал самым ликвидным и ходовым товаром — на доллар, по различным оценкам, приходится к началу 2000-х годов от **1/3 до 1/2** товарооборота России [7, с. 247].

В-четвертых, резко сократился объем инвестиций в реальный сектор национальной экономики, что свидетельствует о начавшейся деиндустриализации. Капиталовложения в основной капитал уменьшились по сравнению с 1990 г. в 35 раз. Модель паразитического проедания природной ренты и хищнической эксплуатации научно-технического и производственного потенциала, доставшегося в наследство от СССР, себя уже давно исчерпала. Сегодня объёмы выпуска наукоёмкой продукции в 3-10 раз ниже, чем 20 лет назад, объём капитальных вложений в высокотехнологичные производства находится на отметке середины 1960-х годов (35% от 1990 г.), а износ базовой технологической инфраструктуры зашкаливает за 80-85% [8, с. 2].

В-пятых, экономика страны приобрела колониальный характер, превратившись в аграрно-сырьевой придаток стран Запада. И это наглядно подтверждается высокой долей импорта в структуре внутреннего потребления. В целом доля иностранного импорта предметов потребления в некоторых регионах приблизилась к 50% товарооборота [9, с. 159]. Резко выросла зависимость от импорта продуктов питания, из-за рубежа завозится свыше 50% потребляемых продовольственных товаров [10, с. 25]. В Москве и ряде других крупных городов доля импорта товаров ширпотреба и продуктов питания доходит до 70%.

В-шестых, принципы либерализма, разрывая единое экономическое пространство страны и разрыхляя ее хозяйство, порождают теневую экономику. По данным экспертов Всемирного банка, в среднем в 1999–2007 годах

доля теневой экономики в ВВП России была на уровне 50-55% ВВП [11]. О реальном состоянии теневой экономики свидетельствует также масштабный рынок коррупции и распила бюджетных средств, где оседает от 35% до 60% всех бюджетных расходов.

В-седьмых, либерализм порождает проблему «расслоения» экономического пространства — на автономные, по-разному пространственно локализованные системы взаимосвязанных хозяйственно-технологических цепочек. Речь идет о том, что либеральная модель открытой экономики превращает национальную экономику в совокупность разрозненных «самостоятельных хозяйствующих субъектов», не образующих никакого единого целого, а лишь «соотносящихся» с некой «определенной территорией», в которой они всего лишь — «совместно локализуются».

Очевидно, что при таком либеральном подходе к формированию национальной экономики, как тут не вглядывайся, но экономического пространства страны никак не обнаружишь. Оно здесь неизбежно превращается в «лоскутное одеяло», которое, *во-первых*, каждый начинает тащить на себя; *во-вторых*, перетягивая это «одеяло», его неизбежно разрывают; а, *в третьих*, каждый собственник куска «одеяла» латает его на свой манер, подбирая для латок те лоскуты, которые ему либо больше нравятся, либо те, которые он сегодня нашел. Народнохозяйственный комплекс здесь — отсутствует.

В-восьмых, либеральная модель обостряет до предела все социальные противоречия, превращаясь в механизм скрытой гражданской войны с населением страны, которое новая «финансовая элита» рассматривает с позиций социального расизма и социальной сегрегации, называя, например, русский народ не иначе, как «этот народ», живущий в «этой стране». В среднем работник в России в конце 1998 г. мог купить продуктов питания (в минимальном наборе) почти вдвое меньше, чем в 1913 г., и в четыре раза меньше, чем в 1985 году [12, с. 102-103].

В-девятых, господство доктрины неолиберализма привело к архаизации всех сторон общественной жизни, включая и архаизацию и разрушение механизмов общественного воспроизводства, функционирующего в качестве спекулятивно-финансового анклава мировой олигархии. Произошел регресс в технологии и санитарии; разрушена единая система стандартов и контроля на качеством продуктов питания, в частности — распущена хлебная инспекция?!

В-десятых, либеральная модель разрушила социокультурную среду обитания человека и механизмы его воспроизводства, подорвав тем самым фундаментальные основы жизнедеятельности русского народа.

Социокультурная среда и, в частности, среда обитания человека и вся социальная сфера в целом, воспроизводятся не только культурой, но и промышленностью. Было доказано, что уровень индустриального развития, характеризующийся размером занятости населения в промышленности (в расчете на 10 тыс. жителей), оказывает непосредственное влияние на изменение относительной величины занятости и в отраслях непродуцированной сферы [13, с. 187].

Занятость — это не только зарплата, доходы и благосостояние семьи. Рост занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни, а также воспроизводства стереотипов жизнедеятельности и всего образа жизни. Продолжительная безработица опасна тем, что, вырывая человека из привычной социально-трудовой среды, она неизбежно формирует у него асоциальные, мотивы и стереотипы поведения. Именно поэтому в СССР, например, с безработицей боролись даже ценой создания избыточных рабочих мест. Непонимание этого приводит некоторых ученых к ошибочным выводам о том, что, дескать, в СССР «безработица фактически существовала», хотя и «в скрытой форме».

Заметим, что данная позиция не учитывает *проблему воспроизводства рабочей силы и общества в целом*. С этих позиций в СССР не было проблемы «излишнего количества дипломированных служащих», которое, дескать, не было вызвано целесообразностью. Все это было вызвано именно целесообразностью сохранения качества рабочей силы, а также необходимостью занять трудоспособное население, обеспечить ее трудом, чтобы избежать паразитизма, а также порождаемых безработицей таких социально-психологических проблем, как, например, алкоголизм и разводы.

В заключении сделаем **краткие выводы**.

В конце XX века наш внутренний враг в лице либерала-западника предпринял новую контрреволюционную попытку *провести в России западные реформы с единственной маниакальной целью: присоединить Россию к Западу, перекорезить все наше традиционное общество, насаждая силой здесь западный капитализм и западные порядки*.

Под прикрытием фальшивых лозунгов о свободе, братстве и демократии наша страна превратилась фактически в расистское государство, в общество, основанное на принципах *социальной сегрегации*. Это есть скрытая форма расизма, фактически узаконенного правительством в форме минимальной зарплаты на уровне иррациональной категории, нищенских пенсий и социальных пособий многодетным семьям, одиноким пенсионерам и инвалидам.

Сталкиваясь с цивилизационными и геополитическими угрозами, Россия стоит сегодня перед необходимостью создания модели **мобилизационной экономики**, используя накопленный положительный народнохозяйственный опыт. Он учит, как защищать свое экономическое пространство, опираясь на государство, борясь с угрозами и одновременно создавая условия для изменения и *расширения* реального экономического пространства в полном соответствии с законами геополитики.

Литература

1. Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991— 2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 166.
2. Независимая газета. 03.06.2000. — С. 4.
3. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. - М.: Алгоритм, 2003.
4. Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. - М., 1955.
5. Попов А.К. О колониальной глобализации и ее сикофантах // Экономическая теория на пороге XXI века — 7: Глобальная экономика / Под. ред. Ю.М.Осипова и др. — М., 2002. С. 351.
6. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.
7. Плешанов А.Д. Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания в геофинансовой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 241–250.
8. Жуковский В. Вылетаем в «трубу»...: Откровения министра экономического развития // ЗАВТРА.- Октябрь-Ноябрь. -№44.- 2012. — С. 2.
9. Николаев А.Б. Финансовый капитал и инвестиционный процесс// Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 154–162.
10. Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране / Сергей Глазьев. М: «Б.С.Г. – ПРЕСС», 2003.
11. Грозовский Б. В тени российской экономики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-opinion/finansy/55507-tenevaya-rossiya>.
12. Полеванов В. Россия: цена жизни // Экономические стратегии.— 1999.— № 1. — С. 102-103.
13. Непроизводственная сфера СССР / под ред. В. Солодкова.— М.: Мысль, 1981.